

бы всякая мѣра добродѣтели была награждена и ничто не осталось безъ возмездія отъ праведнаго и человеколюбиваго Судии: то, какъ достойные величайшихъ наградъ, и совершенные, и наследники полнаго блаженства, напр. Шавель и подобные ему, чище наслаждаются этимъ блаженствомъ, когда разрѣшились отъ тѣла, чѣмъ когда находились въ настоящей жизни, такъ и тѣмъ, которымъ предназначенъ обыкновенный покой, естественно, лучше наслаждаться имъ по отшествіи отсюда, чѣмъ при жизни въ тѣлѣ. А уже показано, что всякій покой душъ и всякая награда за добродѣтель, и великая и малая, есть не что иное, какъ сей хлѣбъ и сія чаша, которыхъ равню причащается и родъ живыхъ, и родъ мертвыхъ, каждый—соотвѣтственнымъ себѣ способомъ. Потому-то Господь наслажденіе Святыхъ въ будущемъ вѣкѣ назвалъ вечерю, дабы показать, что тамъ нѣтъ ничего болѣе сей трапезы. Такимъ образомъ божественное священнодѣйствіе Евхаристіи бываетъ и объ отшедшихъ, такъ же, какъ и о живыхъ. И какъ эти послѣдніе, освящаются, какъ сказано, двоякимъ образомъ, такъ двоякимъ же образомъ освящаются и тѣ, и преселившіеся имѣютъ въ этомъ отношеніи ничуть не меньше живыхъ, но нѣкоторымъ образомъ—даже больше.

ГЛАВА 46.

О томъ, какимъ образомъ сіи дары всегда бываютъ приемлемы Богомъ.

Теперь, по порядку, и это разсмотримъ.

Что отъ сего таинства освящаются все вѣрные, это видно изъ сказаннаго; но всегда ли — это стоитъ изслѣдовать. Такъ какъ это священнодѣйствіе есть приношеніе даровъ, а дары не всегда бываюгь пріемлемы Богомъ, но иногда, по злобѣ приносящихъ, бываюгь и ненавистны и отвергаются, какъ на это есть много доказательствъ и у древнихъ, и у живущихъ подъ благодатию; то изслѣдуемъ, не случается ли иногда, что и эти дары напрасно священнодѣйствуются, потому что не освящаются по обѣтованію таинства, какъ дары неугодные Богу, такъ какъ не всегда приносятся людьми добрыми, но иногда — и злыми. А что Богъ отвращается и этихъ даровъ, когда приносящій нечестивъ,—видно изъ того, что такъ поступаетъ Церковь. За кѣмъ она знаетъ грѣхи смертные, тѣмъ не дозволяетъ приносить сихъ даровъ и, если они осмѣлятся (принести), не принимаетъ и отгоняетъ ихъ вмѣстѣ съ дарами. Но какъ не всехъ такихъ хорошо знаетъ Церковь, но многіе неизвѣстны ей, и дары ихъ пріемлетъ божественная трапеза, то что нужно думать объ этихъ дарахъ? Ужели Богъ не пріемлетъ ихъ, и они бываюгь чужды всякаго освященія? Но если съ этимъ согласиться, то становится неизвѣстнымъ, когда дары бываюгь святы, такъ какъ свойства приносящихъ большею частію для насъ сомнительны или совсѣмъ неизвѣстны; и въ такомъ случаѣ вѣрные, сомнѣваясь и приступая къ таинствамъ безъ вѣры, по необходимости не получаюгь отъ нихъ никакой

пользы. Что же нужно сказать на это? То, что приношеніе даровъ бываетъ двоякое: одно отъ того, кто отъ себя приноситъ ихъ въ руки священниковъ, другое отъ Церкви—Богу. Первое приношеніе, когда приносящій порочень, суетно и не приноситъ никакой пользы приносящему, потому что онъ порочень: ибо приносимые дары не сами по себѣ мерзки предъ Богомъ, такъ какъ всякое созданіе Божіе хорошо. А второму приношенію, бывающему отъ людей добрыхъ, ради славы Божіей и Святыхъ, ради спасенія вселенной и ради всякаго вообще справедливаго прошенія, ничто не препятствуетъ быть благопріятнымъ. Никакая скверна не переходитъ на дары отъ рукъ того, кто вначалѣ принесъ ихъ, но они остаются чистыми и, бывъ возносимы людьми чистыми, и освящаются и освящаютъ приступающихъ. Ибо ни въ чемъ неразумномъ или неодушевленномъ не можетъ заключаться какая-либо нечистота грѣха: грѣхъ есть болѣзнь свободы и однимъ лишь существамъ разумнымъ свойственно оскверняться грѣхомъ. Что же? Если всегда чисты дары, приносимые людьми порочными, то почему законъ Церкви не принимаетъ ихъ? Для того, чтобы вразумить приносящихъ, дабы они знали, какой великій гнѣвъ Божій грозитъ имъ, если Господь отвращается и ненавидитъ и свои созданія, которыя ни въ чемъ не виновны, и, зная это, убоялись и исправили свою жизнь. Самые же дары не подвергаются осужденію ни въ какомъ недостаткѣ, и потому ничто не препятствуетъ, чтобы они

были приняты и освящались, когда второе приношение совершается людьми добрыми. Но вѣдь не всѣ, скажетъ кто-нибудь, приносящіе священники—люди добрые, но нѣкоторые страдают и болѣзнію крайней порочности, а это опять приводитъ насъ къ прежнему недоумѣнію. Ибо, когда случится, что тѣ и другіе приносители ненавистны Богу (а это случается), то откуда явится въ дарахъ возможность быть пріятными и угодными Богу, и святыми и освящающими? Ни откуда; напротивъ, тогда они подлинно негодны. Во всякомъ же случаѣ о нихъ бываетъ сомнѣніе, потому что мы не увѣрены въ свойствахъ людей, которые ихъ приносятъ и священнодѣйствуютъ. Никто, говоритъ Писаніе, съ несомнѣнностію не знаетъ того, что въ человѣкѣ, кромѣ живущаго въ немъ духа. Такимъ образомъ невѣрія и сомнѣній касательно таинства — много, а увѣренности — никакой; и причащеніе святыхъ даровъ не принесетъ вѣрнымъ никакой пользы, потому что они причащаются безъ вѣры. Такъ, пожалуй, скажетъ и будетъ недоумѣвать тотъ, кто думаетъ, что самъ священникъ есть властелинъ приношенія сихъ даровъ. Но это несправедливо; напротивъ, чѣмъ собственно совершается приношеніе ихъ, это есть освящающая благодать, такъ какъ они тогда бывають принесены, когда —освящены. А тотъ, кто всякой разъ священнодѣйствуетъ, есть служитель этой благодати. Ибо онъ ничего не привноситъ отъ себя и не имѣетъ что-либо сдѣлать или сказать по сво-

ему суду и размышленію , но только то , что пріять, будетъ ли то дѣло, или слово, или дѣйствіе, воздаеть Богу, принося такъ, какъ ему заповѣдано. И такимъ образомъ дары, будучи всегда приносимы такъ, какъ угодно Богу, естественно бываютъ пріятны Ему и всегда Имъ пріемяются. Ибо что за важность въ томъ, что приносящій самъ по себѣ пороченъ? Вѣдь его порочность ничего не прилагаетъ къ дарамъ и не дѣлаеть приношенія худшимъ, точно также, какъ и лекарству не мѣшаетъ быть спасительнымъ то, что его составилъ человѣкъ простой и нисколько незнакомый съ врачебнымъ искусствомъ, если только онъ составилъ его такъ, какъ приказалъ врачъ, и изъ всѣхъ тѣхъ снадобій, которыя тотъ далъ ему. Лекарство не сдѣлается бездѣйственнымъ отъ незнанія потрудившагося надъ его составленіемъ, но будетъ цѣлительно по искусству сообщившаго составъ его: ибо отъ незнанія служителя оно ничего не приняло, а отъ искусства врача получило весь свой составъ. Такъ и здѣсь—все совершаетъ благодать, а священникъ есть только служитель, имѣющій и самое служительство не отъ себя, потому что и это у него отъ благодати: священство — это только служебная сила для священнодѣйствій. Такимъ образомъ изъ сказаннаго видно, что сіи дары освящаютъ всѣхъ вѣрныхъ и всегда, такъ какъ всегда пріемяются Богомъ.